

УДК 33(470+571)(043.3)

ЭВОЛЮЦИЯ КЛЮЧЕВОГО СТРАТЕГИЧЕСКОГО РЕСУРСА В МОДЕЛЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

В. В. Киушина

Саратовский государственный университет
E-mail: vivacious@yandex.ru

В статье рассмотрена эволюция моделей экономического развития России и его ключевого стратегического ресурса. Раскрыты дисбалансы и противоречия, сформировавшиеся в контексте экспортно-сырьевой специфики российской экономики в различные исторические периоды и создавшие серьезные ограничения для определения целей перспективного экономического развития и способов их достижения. Охарактеризованы основные направления новой модели зарождающегося послекризисного развития отечественной экономики и роль технологических ресурсов в обеспечении современного устойчивого экономического роста.

Ключевые слова: сырьевая модель экономического развития, инновационная модель экономического развития, ключевой стратегический ресурс, технологические ресурсы, ресурсные ограничения экономического развития.

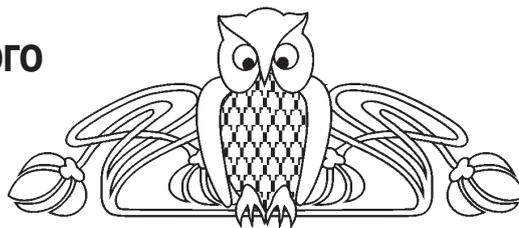
Evolution of the Key Strategic Resource in Models of Economic Development of Russia

V. V. Kiushina

The article describes the evolution of patterns of economic development of Russia and its key strategic resource. Solved imbalances and contradictions that have emerged in the context of export of raw materials specifics of the Russian economy in different historical periods and a major limitation for purposes of determining the perspective of economic development and ways to achieve them. Outlines the main directions of the emerging new model of post-crisis development of the domestic economy and the role of technological resources to provide modern sustainable economic growth.

Key words: raw model of economic development, innovative model of economic development, key strategic resource, technological resources, resource constraints and economic development.

По словам Э. Гидденса, мы живем в условиях «ускользающего мира», в состоянии перманентной переоценки ценностей, и исследователь должен вовремя и точно отвечать на новые вызовы, видеть и указывать в это действительно тревожное время на складывающиеся или только зарождающиеся альтернативы развития страны и мира¹. Среди ученых есть мнение, что современная эпоха заканчивается, и мир капитализма находится в преддверии новой эпохи, границы которой трудно угадать. Иными словами, подойдя к естественным пределам своего роста на основе прежней модели, капитализм, как при переходе к кейнсианской эпохе, а затем к неоконсервативным моделям, вновь ищет новую модель развития. Именно сегодня, когда идет напряженный поиск

ответов на новые вызовы, Россия может и должна предложить свои, но в то же время приемлемые для остального мира версии новой экономики и международного экономического порядка².

Ключевым стратегическим ресурсом зарождающегося послекризисного периода экономического развития призваны стать новые технологии. Слова старшего вице-президента по исследованиям и стратегии Майкрософт Крейга Манди можно отнести не только к отдельно взятой корпорации, но и к целым национальным экономикам: «Самая большая ошибка, которую можно сделать под давлением кризиса, – сократить расходы на науку и разработки»³. В этой фразе обозначена роль технологических ресурсов как определяющих будущие достижения человечества. В данном значении технологические ресурсы включают в себя набор применяемых в экономической деятельности конструкторских решений, методов и процессов производства товаров и оказания услуг, а также материализованную или овеществленную технологию (машины, оборудование и т.д.). Однако избранный в России в качестве приоритетного инновационно-технологический путь развития сталкивается с серьезными ограничениями, сформированными экономической дезориентацией в выборе средств и ресурсов достижения устойчивого роста в 1990-е годы. Некоторые из них были в различной мере смягчены и преодолены в период подъема, но их первопричины остались. Задача перехода к инновационному развитию оказывается очень непростой в контексте сложившейся экспортной специфики национального хозяйства, когда ключевым стратегическим ресурсом на долгое время стал укрепившийся сырьевой сектор.

Выход на траекторию устойчивого роста экономики и благосостояния общества возможен только путем формирования нового способа производства, ибо структурная перестройка мировой экономики, разворачивающаяся на основе новых технологий, далеко опережает технологическую структуру российской экономики, в которой наблюдается сужение потенциала роста современно и нового технологических укладов, потеря способности к самостоятельному воспроизводству. И начинать эту работу, по мнению Н. Старикова, необходимо уже теперь, одновременно с реализацией антикризисных мер и мерами формирования инновационного развития⁴.

В советской экономике форсирование роста гражданского сектора происходило в условиях, когда высокие технологии были жестко лока-

лизованы в оборонной промышленности. Уже тогда начинался процесс деградации и огромного потребления первичных ресурсов (прежде всего трудовых и природных). И, несмотря на существование уникальной возможности трансформировать военную мощь в экономическую путем направления в гражданские отрасли качественных инвестиций, генерируемых ВПК, она не была реализована должным образом. Административная система управления оказалась неспособной к поддержанию высоких темпов роста производства на основе развивающихся технологий и структурной перестройки экономики. Нарастающее технологическое отставание гражданского сектора повлекло за собой поиск путей реформирования советской экономики и в конечном счете закончилось отказом от системы централизованного планирования народного хозяйства. Это не привело к автоматическому формированию эффективных механизмов и институтов экономического развития. Напротив, в хаотическом разрушении производственно-хозяйственных образований технологические ресурсы страны оказались в тяжелой фазе глубокого спада.

Так, в 1990-е годы экономика России оказалась в концептуальной ловушке, одним из источников которой стало обострение мировой конкуренции за невозобновляемые природные ресурсы (прежде всего энергетические), которое побуждало высокоразвитые страны активно искать благоприятные для себя исходы и подталкивать богатые ресурсами постсоциалистические и развивающиеся страны к реформам и трансформациям по своим сценариям. К тому же экономическая политика, проводимая российским государством, исходила из предположения о достаточности создания необходимых макроэкономических условий и институционально-правовой среды для действия рыночных регуляторов и мотиваций, которые должны были обеспечить экономический подъем и общее оздоровление производства. Опыт показал, что в условиях разбалансированной экономики и искаженных хозяйственных мотиваций такой подход не обеспечил переход к экономическому росту и привел к хроническому спаду, сопровождавшемуся свертыванием значимых секторов экономики и наращиванием государственного долга. Кривая мировой рыночной конкуренции в глобальном измерении оказалась безжалостной к слабым странам и направлялась отнюдь не законами справедливости, а жесткими интересами ключевых субъектов экономических и политических отношений. Такой механизм выводил на передовые позиции экономического развития тех, чьими руками расставлялись основные мировые ресурсы и кому принадлежала инициатива в концептуальном творчестве.

С середины 1990-х годов в структуре российской экономики сложился и воспроизводится сырьевой перекоп в сторону ресурсных отраслей (нефтегазовой, металлургической, лесохимиче-

ской промышленности). С этого времени экономика страны начала становиться все более примитивной, беря на себя функции сырьевого придатка Евросоюза и Китая. В сферах экономики, не связанных с экспортом природного сырья, стали формироваться острые противоречия в сфере трудовых и производственно-финансовых ресурсов. Речь идет, прежде всего, о противоречиях между растущей потребностью в социальной поддержке населения, определяемой его низкими доходами (за 1992–1998 гг. реальные располагаемые доходы населения сократились вдвое, резко усилилась социальная дифференциация⁵), и ограниченными возможностями государственной системы социальной защиты; между сокращающимся потреблением и опережающим падением объема производства (при сокращении в 1992–1998 годах ВВП почти на 40% объем розничной торговли снизился лишь на 12%⁶); между масштабно сжатым производством и существенно менее сократившейся численностью работающих; между актуализирующимися потребностями устойчивого развития национальной экономики и низким уровнем инвестиций, не обеспечивающим даже простого воспроизводства основного капитала (к 1998 г. уровень производства в России сократился по сравнению с 1990 г. на 42,5%, а инвестиции в основной капитал – на 79%⁷).

Таким образом, в России сформировался ряд ресурсных ограничений дальнейшего развития национальной экономики, которые и в настоящее время не позволяют ей двигаться в направлении высокоразвитых стран мира. Самыми серьезными и значимыми для долгосрочной перспективы ограничениями экономического развития стали деградация и резкое сокращение научно-технологического потенциала. Наибольшие разрушения произошли в отраслях с высокой добавленной стоимостью (наукоемкой промышленности, инвестиционном и сельскохозяйственном машиностроении, легкой промышленности и производстве промышленных товаров народного потребления) и в отраслевой науке. В отсутствие сколько-нибудь выраженной инвестиционной и структурной политики государства технологические сдвиги в российской экономике приобрели явно регрессивный характер. Это выразилось в отставании России по уровню развития ключевых технологий от высокоразвитых стран мира на 15–20 лет. Большинство производств было практически свернуто. Произошло практически полное вытеснение отечественной продукции с внутреннего рынка импортными аналогами. По некоторым экспертным оценкам, доля технологических ресурсов в структуре производства машиностроительной продукции сократилась с 33% в 1992 г. до 21% в 1998 г.⁸, а в экономике в целом в первой половине 1990-х гг. их доля снизилась с 6 до 2%⁹. Спад производства в высокотехнологичных отраслях оказался намного больше среднего по промышленности. При этом

чем выше был технический уровень отрасли, тем значительнее спад производства в ней. Резко снизилась инновационная активность предприятий. Если в конце 1980-х гг. доля предприятий, ведущих разработку и внедрение нововведений в СССР, составляла около 2/3 всех промышленных предприятий страны, то к 2000 г. она снизилась до 9,8% (для сравнения, в развитых странах эта доля превышает 70%)¹⁰, что повлекло за собой резкое снижение конкурентоспособности национальной экономики и утрату значительной части потенциала экономического развития. При этом наибольшему разрушению подверглась прикладная наука, ставшая жертвой приватизации, уничтожившей большую часть отраслевых НИИ и КБ. Глубокими последствиями этого продолжительного и резкого падения наукоемкости производства и инвестиций во многом определяется и сегодняшнее состояние российской экономики.

Модель экономического развития, сложившаяся в России в 1992–1998 гг., характеризовалась разрушением социальной сферы, экспортно-сырьевой ориентацией, низким уровнем инвестиций, недостаточной монетизацией, натурализацией хозяйственных связей, деформированной системой мотиваций. По многим конкурентным позициям Россия уступала не только промышленно развитым странам, но и ряду развивающихся стран-экспортеров сырьевых товаров, которые смогли одновременно создать стратегические высокотехнологичные производства на основе прибыли от торговли природными ресурсами. По мере углубления научно-аналитической работы стало появляться все больше данных, колеблющихся представления о прогрессивности избранной в 1991 г. модели экономической трансформации, а наступивший после дефолта 1998 г. период высоких темпов экономического роста потребовал создания и проектирования новой стратегии сбалансированного экономического развития. Формирование новой модели экономического развития, преодоление имеющихся ограничений и переход к устойчивому экономическому росту предусматривал более эффективное использование экономических ресурсов, и прежде всего природных, за которыми надолго закрепилось место ключевого стратегического ресурса для реализации целей экономического развития страны.

Экономический рост, наметившийся в начале 2000-х гг., несмотря на видимое благополучие формальных макроэкономических показателей, наталкивался на серьезные барьеры, возникшие в постсоветский период. Технологический прогресс сконцентрировался в рамках нефте- и газодобывающих предприятий, а модернизацией в остальных отраслях (обрабатывающей промышленности, сельском хозяйстве, сфере социальных услуг) обозначались в основном институциональные изменения. Но главной проблемой стало то, что даже вполне конкурентоспособная продукция отечественного высокотехнологического ма-

шиностроения для топливно-энергетического комплекса оказывалась не востребуемой сырьевыми корпорациями, ориентирующимися на иностранную технику. Российская экономика полностью переориентировалась на импортные технологические ресурсы. При этом стала существенно ухудшаться структура производства – в отличие от успешно развивающихся стран, наращивающих производство товаров с высокой добавленной стоимостью, в России увеличение ВВП обеспечивалось главным образом экспортом энергоносителей и ростом торговли. В структуре промышленного производства резко выросла доля топливно-энергетического и химико-металлургического комплексов при сокращении доли машиностроения.

Вместе с тем уже с 2004 г. начала формироваться альтернативная модель экономического роста, поддерживаемого главным образом внутренне ориентированными отраслями. Эта модель оказалась намного совершеннее предыдущей в качественном отношении: не столь очевидными стали пределы экономического роста, как при ориентации почти исключительно на сырьевой экспорт, существенно уменьшилась его капиталоемкость, отодвинулись некоторые барьеры, в которые уперлась предшествовавшая экспортно-сырьевая модель экономики, замедлилась динамика развития добывающих отраслей, произошло смягчение инфраструктурных ограничений, сократилось предложение трудовых ресурсов. В результате считавшаяся многими экспертами несколько лет назад почти неизбежной «пауза экономического роста», при которой ограничения, накладываемые производственными мощностями и инфраструктурой, практически останавливают рост экспорта энергоресурсов, так и не случилась. Несмотря на значительные масштабы, экспортный сектор российской экономики все же сравнительно мал с точки зрения занятости и потребляемых экономических ресурсов. Распространение генерируемой им «спросовой волны» происходит достаточно медленно. Очевидно, что сырьевой экспорт – слабый катализатор экономического роста, поскольку потребность в продукции сопряженных отраслей невелика, а сама экспортируемая продукция не требует большого количества технологических переделов. Следствием этого стала сложившаяся двухслойная структура российской экономики, состоящая, с одной стороны, из секторов, обслуживающих материальные и финансовые потоки экспорта, а с другой – из отраслей и регионов, не затронутых этими потоками. Лишь вовлечение в воспроизводственный процесс внутренне ориентированных производств привело к быстрому размыванию границ между этими двумя секторами в используемых ресурсах и уровне доходов. Наконец, стоит отметить огромную концентрацию прав собственности и доходов, свойственную экспортно-сырьевым отраслям, и, соответственно, финансовых ресурсов без каких-либо обязательств,

что они будут вложены в России за пределами сырьевого сектора. В сравнении с этим присущие внутренне ориентированному сектору большая дисперсность и отсутствие склонности к вывозу капиталов тоже выглядят как явное преимущество с точки зрения экономического развития.

Волна ускорения развития российской экономики, опирающаяся на инвестиции, совпала с началом кредитного бума и массивного притока капиталов в 2006 году. Хотя именно на этот год пришелся последний экспортный рывок, сопряженный с металлургической отраслью. Физические объемы добычи и вывоза газо- и нефтепродукции тогда уже не росли. Но даже с учетом этого нельзя было заключить, что российская экономика вышла на устойчивую траекторию сбалансированного развития, которая позволит поддерживать столь же высокие темпы роста достаточно долго. Этот механизм экономического роста стал хотя и весьма эффективным, но все же промежуточным, переходным. Объем инвестиций быстро увеличивался, и они стали играть весьма заметную роль двигателя совокупного спроса и сопряженных отраслей промышленности, но не они смягчали ресурсные ограничения экономического развития. Их доля в использовании ВВП оказалась сравнительно невелика (по расчетам специалистов, она выросла в постоянных ценах 2003 года с 19,2% в 2000 году до 23,5% в 2006 году и до такого же уровня – в 2007 году; в текущих ценах из-за опережения экспортных цен она оставалась практически постоянной и еще более низкой¹¹). Можно с уверенностью утверждать, что только интенсивные структурные сдвиги в сторону таких сравнительно малокапиталоемких отраслей, как строительство и торговля, обеспечили возможность столь низких удельных инвестиций. Те же фавориты – строительство и торговля – расширили ограничения по трудовым ресурсам за счет вовлечения иностранной рабочей силы и женщин. Вполне очевидно существование возможностей обхода и инфраструктурных ограничений экономического развития.

Таким образом, по многим параметрам модель экономического развития, просуществовавшая в России до 2008 г., несмотря на, казалось бы, большую сбалансированность и инвестиционную природу экономического роста, явилась лишь своего рода надстройкой, дополнением к прежней экспортно-сырьевой модели. В ней рост объемов экспорта энергоресурсов с успехом заменило повышение экспортных цен, а вся конструкция дополнилась финансовой инфраструктурой, опирающейся на привлечение капиталов из-за рубежа. Причем привлекательной финансовой системой оказалась не для долгосрочных инвестиций, а для спекулятивных атак с целью получения сверхприбылей от дестабилизации валютно-финансовой системы. Большой размах финансовых флуктуаций, подпитываемых глобальными финансовыми пирамидами, принес в мировую экономику

циклическую рецессию, возникшую вследствие массовых рискованных инвестиций, инициированных доступностью денег, для эффективного функционирования которых в действительности не было ресурсов. Коллапс мировых финансовых ресурсов застал врасплох большинство стран мира. Бурный рост капитализации фондового рынка в России также оказался финансовым пузырем, который лопнул сразу же после оттока иностранных спекулятивных капиталов, повергнув экономику страны в глубокий кризис. При этом открытость экономики и отказ от валютного контроля и регулирования финансовых ресурсов обеспечили сильное падение ВВП с высочайшим уровнем инфляции. Во второй половине 2009 г. отрицательная динамика ВВП составила 10,9% относительно соответствующего периода 2008 года¹². Произошло резкое, более чем на 15%, снижение инвестиций в развитие производства, разорились сотни тысяч граждан, взявших ипотечные потребительские кредиты. Девальвация рубля на 40% привела к потере доверия к российской валюте и спровоцировала бегство капитала, величина которого составила в 2008 г. свыше 50 млрд долл.¹³

Дальнейшее разворачивание кризиса в России, как и в ведущих странах мира, будет определяться сочетанием двух процессов – разрушением прежних экономических структур и становлением новых. Условием благополучного выхода экономики страны из кризиса является наличие собственной стратегии, ориентированной на сохранение своего экономического потенциала и опережающее создание предпосылок роста новых производств, что предполагает защиту стратегического ресурса и внутреннего рынка от набегов иностранного спекулятивного капитала, а также проведение активной научно-технической и структурной политики по выращиванию конкурентоспособных предприятий на перспективных направлениях экономической динамики. Несмотря на то, что финансово-экономический кризис ухудшает инвестиционный климат и может спровоцировать паузу в процессе базовых нововведений, он способствует переориентации инвестиций на реальные активы, стимулируя выход из депрессии, обеспечиваемый увеличением значимости новых отраслей.

Неизбежно произойдут существенные изменения в структуре и относительном значении экономических ресурсов, переход к экономике знаний, где основной ценностью станут не средства производства, а научно-технические и интеллектуальные ресурсы. Из этого следует необходимость серьезных изменений в системе экономических институтов и механизмах управления хозяйственной деятельностью, неготовность которой к освоению новых типов экономической активности ограничивает становление новой модели экономического развития в России. Расширение внедрения технологических ресурсов ограничивается как незначительным масштабом

и неотработанностью передовых технологий, так и неготовностью социально-экономической среды к их широкому применению, хотя последнее время расходы на освоение новейших технологий и масштаб их применения в нашей стране растут по экспоненте. Здесь стоит учесть особенность технологических ресурсов – их высокую интегрированность. Это требует комплексной экономической политики, предусматривающей одновременное создание кластеров технологически сопряженных производств и соответствующей им сферы потребления и культуры управления. При этом существующие ныне финансовые, хозяйственные и политические институты либо перестроятся в соответствии с потребностями роста новых производственно-технологических систем, либо прекратят свое существование.

Исторический опыт показывает, что страны и институты ядра мировой финансовой системы будут пытаться использовать свое доминирующее положение для выживания за счет присвоения экономических ресурсов периферийных стран путем установления контроля за ними¹⁴. Поэтому не только внутренние, но и внешние факторы определяют сегодня необходимое и возможное пространство действий и намерений правительства и хозяйствующих субъектов России. Важнейшим в этой связи представляется анализ фундаментальных отношений между экономической политикой и природно-ресурсной базой хозяйствования. Их роль в перспективном плане экономического развития настолько важна, что требует предельной внимательности и политиков, и хозяйственников. В этих условиях необходимо не только вести экономическую политику, используя механизмы генерирования долгосрочных инвестиций в освоение нового ключевого стратегического ресурса, но и не забывать о приведении в соответствие уровня использования традиционных ресурсов, поскольку модернизация ключевых «старых отраслей» должна происходить на основе новых технологических ресурсов, проникающих во все сферы экономики, открывая новые возможности повышения эффективности и качества продукции.

Современная и принципиально новая модель экономического развития России должна уйти от ограничений ресурсной базы, на которой строился тупиковый инерционный энергосырьевой сценарий развития, низводящий последние два десятка лет страну до роли сырьевого придатка мировой экономики. Тогда отнюдь не ограниченность, а богатство природных ресурсов стало основным барьером реализации стратегии лидерства в тех направлениях, где российский научно-промыш-

ленный комплекс имел огромное технологическое превосходство. Главной целью современной модели экономического развития страны должно стать обеспечение эффективного воспроизводства, позволяющего решать задачи повышения уровня жизни, модернизации производственного аппарата, укрепления конкурентоспособности, сохранения целостности и обеспечения безопасности страны на принципиально ином ключевом стратегическом ресурсе.

Примечания

- 1 См.: Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / пер. с англ. М., 2004. С. 120.
- 2 См.: Гринберг Р. Юбилей зрелости: дела и планы: Институту экономики РАН 80 лет // Вопр. экономики. 2010. № 5. С. 4–15.
- 3 Цит. по: Ходырев А. Дом, который построил Билл // Эксперт. 2010. № 40(724). С. 64.
- 4 См.: Стариков Н. Кризис: Как это делается. СПб., 2009. С. 92.
- 5 Концепция программы социально-экономического развития Российской Федерации в 1999–2002 годах. Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования. [Официальный сайт]. URL: http://www.forecast.ru/mainframe.asp?ADDR_FROM=http://www.forecast.ru/_ARCHIVE/Analytics/Konc/konc.asp (дата обращения: 11.10.2010).
- 6 Там же.
- 7 Там же.
- 8 См.: Глазьев С.Ю. О стратегии развития российской экономики в условиях глобальных технологических сдвигов. Часть II. Тенденции и проблемы экономического развития России : научный доклад. Центральный экономико-математический институт РАН [официальный сайт]. URL: <http://edu.ioffe.ru/lectures/glaziev> (дата обращения: 02.10.2010).
- 9 См.: Стратегия научно-технологического прорыва: сб. науч. трудов / под ред. Ю.В. Яковца, О.М. Юня. М., 2001. С. 44.
- 10 См.: Инновационный путь развития для новой России / отв. ред. В.П. Горегляд ; Центр социально-экономических проблем федерализма Института экономики РАН. М., 2005. С. 99.
- 11 См.: Журавлев С. Обходя рифы // Эксперт. 2008. № 2(591). С. 22–24.
- 12 См.: Григорьев Л.М. Мониторинг финансового кризиса // Периодическое издание Института энергетики и финансов. 2009. № 9. С. 10.
- 13 Там же. С. 12.
- 14 См.: Глазьев С.Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. М., 2010. С. 74.